© 2023. Чирун С. Н., Гладких С. С.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе

Чирун Сергей Николаевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-7422-8030
Sergii-Tsch@mail.ru

Гладких Сергей Сергеевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила 06.12.2022. Принята после рецензирования 25.01.2023. Принята в печать 16.02.2023.

Аннотация: Статья исследует возможность наличия у субъектов принятия управленческих решений объективной потребности в процессах институциализации коррупционных взаимоотношений. Рассматриваются вопросы интегрированности институциональной коррупции в управленческую и политико-правовую подсистемы. Цель – сравнительный анализ двух основных видов коррупции, представленных в современном обществе – институциональной и рыночной. Авторы используют неоинституциональный методологический подход. Использован ряд научных методов, среди которых следует выделить метод политической компаративистики и метод вторичного анализа. Рыночная коррупция хотя и оказывает определенную финансовую нагрузку на бизнес, но не нарушает принципов рыночной конкуренции. Институциональная коррупция может гипотетически не облагать бизнес дополнительными платежами, но взамен она вносит значительные ограничения в саму конкурентную среду. Отмечается, что реальные достижения в борьбе с коррупцией становятся возможны лишь при условии взаимодействия гражданского общества с органами и институтами государственной власти, актуализации ценностей гражданского активизма в общественно-политическом участии граждан.

Ключевые слова: коррупция, непотизм, неопатримониализм, клиентела, кланы, политическая культура, гражданское общество, правосознание

Цитирование: Чирун С. Н., Гладких С. С. Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 139–147. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-139-147

full article

Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis

Sergey N. Chirun
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0001-7422-8030
Sergii-Tsch@mail.ru

Sergey S. Gladkikh
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 6 Dec 2022. Accepted after peer review 25 Jan 2023. Accepted for publication 16 Feb 2023.

Abstract: The article explores the possibility that the subjects of managerial decision-making have an objective need for the institutionalization of corruption. The authors consider the issues of integrating institutional corruption into the managerial and political-legal subsystems, which leads to multiple functional distortions in the system of state institutions in the interests of latent structures. The purpose of the article is a comparative analysis of the two main types of corruption in modern society. The authors use a neo-institutional methodological approach characterized by the principle of methodological individualism and a number of scientific methods. Although market corruption exerts a certain financial burden on business, it does not violate the principles of market competition. Institutional corruption may hypothetically not impose additional financial burden on business, but it introduces significant restrictions on the competitive environment itself. Progress in the fight against corruption is possible only if civil society interacts with state authorities and institutions, and the values of civic activism are actualized in the socio-political participation of citizens.

Keywords: corruption, nepotism, neopatrimonialism, clientele, clan, political culture, civil society, legal awareness

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Citation: Chirun S. N., Gladkikh S. S. Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 139–147. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-139-147

Введение

Коррупция представляет собой серьезную проблему для большинства стран. Этим обстоятельством обуславливается значительный исследовательский интерес к выявлению причин генезиса, процессов воспроизводства, возможных последствий, а также устойчивости коррупции к мерам профилактического и коррекционного воздействия.

Современная коррупция является сложным и многоаспектным общественным феноменом, который негативно влияет на общественно-политические процессы, не только снижая функциональность институциональных структур, но и подрывая легитимность политического господства, и даже негативно влияя на имидж государства.

В условиях глобализации коррупционные отношения все реже ограничиваются территориальными границами отдельных государств, приобретая транснациональный характер, они все глубже проникают в систему международных отношений. В определенной ситуации обвинения в коррумпированности национальной политической элиты могут являться поводом для посягательств международных акторов на государственный суверенитет, становиться предлогом для введения санкций. Также обвинения могут привести к частичному или даже полному исключению элиты «коррумпированного» государства из системы международных политических и общественных институтов, изъятию или заморозке финансовых активов государства или части его граждан, иностранному вмешательству во внутреннюю политику суверенного государства.

Не менее серьезная проблема заключается в том, что коррумпированных чиновников, а тем более сложившиеся латентные коррупционные институции, общественное сознание воспринимает как зеркало существующей общественно-политической системы. Таким образом, коррупция разрушает сами устои легитимности национального политического режима. Коррупционные институты, хотя формально и находятся вне легальной системы государственных институтов, но на практике часто переплетаются с ними и даже интегрируются в них, образуя разнообразные, подчас весьма причудливые коллаборации, отражающие актуальную динамику общественно-политических процессов и социальных отношений.

Одним из важнейших условий оптимизации процессов государственного управления является реализация системной антикоррупционной стратегии, рассчитанной на долгосрочную перспективу. Такая стратегия непременно даст известный положительный эффект, но лишь при условии, что будет в первую очередь ориентирована не на выявление и раскрытие коррупционных преступлений, а на анализ и коррекцию базовых факторов и условий, приводящих к системным коррупционным отношениям.

Ученые давно обратили внимание на сложности интерпретации коррупционных отношений. Дело в том, что невозможно исследовать коррупцию, находясь целиком в границах правового поля и оперируя исключительно ее нормативными определениями. Поэтому Дж. С. Скотт предложил интерпретировать действия как коррупционные не только руководствуясь существующим национальным законодательством (нормы которого чисто гипотетически сами по себе могут быть следствием коррупционных отношений), но также и на основе общественного мнения [1]. В рамках такого подхода коррупцией считаются все практики, которые идентифицируются как коррупционные именно общественным мнением. Разумеется, сложно целиком полагаться лишь на общественное мнение. С одной стороны, оно может быть довольно предвзято, а с другой – недостаточно компетентно в вопросах правоприменения.

Иной подход предложил американский политолог, автор политологического термина «мягкая сила» Дж. С. Най. Для него коррупционное поведение – это девиация, вызванная отклонением поведения чиновника от его формальных обязанностей, соответствующих его государственной должности. Такая девиация может быть детерминирована групповыми (семья, друзья) либо индивидуальными мотивами. Коррупционное поведение включает в себя ряд составляющих: дача / получение взятки, непотизм (приоритет родственным и неформальным связям перед формальными статусно-ролевыми отношениями); хищение государственных средств [2].

Разделение коррупции на рыночную и иные ее разновидности наблюдается в научных исследованиях как минимум с конца 60-х годов XX в. В условиях традиционной (рыночной) коррупции возможности для доступа к коррупционной услуге практически ничем не ограничены и в идеале доступны каждому желающему. В ситуации рыночной коррупции главным условием коррупционной услуги выступает передача лицу, принимающему политическое / управленческое решение (либо способному

существенно повлиять на принятие), определенного (обычно материального) ресурса. Чаще всего таким ресурсом является денежная сумма, представленная, как правило, в устойчивой валюте. Но также коррупционным ресурсом могут являться транспортные средства, недвижимость, создание особых условий для проведения отдыха и т. п.

Совершенно иначе обстоит дело в ситуации институциональной коррупции. Институциональная коррупция, в отличие от рыночной, непременно предполагает наличие развитой системы неформальных отношений между представителями власти и общества. В этом случае доступ к коррупционным отношениям возможен лишь для сравнительно узких социальных групп. Обычно в них входят те, кто участвует в закрытых корпоративных отношениях. Стратификация при отборе состава групп может вестись по позитивным критериям: кровного родства, землячества, клановой идентичности, дружеских отношений. Также стратификация может происходить по негативным критериям: участие в нетрадиционной культово-обрядовой деятельности, теневых и, возможно, даже преступных экономических сообществах, наличие серьезного взаимного компромата (в случае, когда участники повязаны кровью). Возможны и смешанные модели инкорпорирования членов закрытых групп.

Впервые вопрос о необходимости исследовательской дифференциации рыночной и институциональной коррупции был поднят Дж. С. Скоттом [3]. Позже данные понятия в своих работах использовал М. С. Грановеттер [4]. Указанные формы коррупции в научных исследованиях часто могут упоминаться под другими названиями. Например, для указания на рыночную коррупцию часто используется понятие *коррупция* либо термин *традиционная коррупция*. Возможны и другие варианты, но в целом их сравнительно немного.

Разнообразие понятий, используемых для указания на институциональную коррупцию, существенно больше. Например, наряду с понятием *институциональная коррупция*, акцентирующем внимание на анализе проблем общественных институтов, существует понятие *сетевая коррупция*, которое описывает формирование и эксплуатацию коррупционных сетей [5]. Также может использоваться близкое по смыслу понятие *консенсусная коррупция*, обозначающее доминацию неписанных правил и норм в противовес формальным. Как аналог институциональной коррупции активно применяется понятие *системная коррупция*, указывающее на коррумпированность государственной системы. Поскольку государственная система состоит из государственных институтов, то никаких противоречий между указанными понятиями не наблюдается. Кроме того, к указанной форме коррупции или же конкретным ее проявлениям в той или иной мере применимы понятия *непотизм*, *фамилизм* [6], *патронаж* [7], *клиентелизм* [8], *блат* [9], *клановость* [10], *фаворитизм* [11], *административные рынки* [12].

Следуя концепции Дж. Ная, под институциональной коррупцией мы будем понимать отношения, основанные на нелегитимном использовании служебного положения в личных целях, когда возможность полноценного использования государственных услуг или ресурсов доступна не для всех граждан, формально имеющих право на получение данного ресурса или услуги, а лишь для субъектов, состоящих в неформальных отношениях (дружбы, родства, подельничества) с лицами, принимающими управленческие / политические решения.

Целью исследования является анализ соотношения влияния на общественно-политические процессы в обществе и государстве двух основных видов коррупции: традиционной (рыночной), а также институциональной (системной). В исследовании авторы статьи руководствовались неоинституциональным подходом. На основе теоретических материалов проведен сравнительный анализ институциональной и традиционной (рыночной) форм коррупции. Ведущим критерием для их определения авторы считают критерий открытости для индивидуальных и коллективных акторов коррупционных услуг.

Результаты

Представители американского политического реализма рассматривают рыночную коррупцию в качестве разумного ответа на неэффективное администрирование [13]. По мнению С. П. Хантингтона, в тех государствах, где не работают институты права, коррупция становится единственно возможным результативным инструментом защиты личностных интересов. Таким образом, С. П. Хантингтон признавал позитивные функции рыночной коррупции на определенных этапах общественного развития [14, с. 27–30].

Вероятно, рыночная коррупция может отчасти способствовать и личностному развитию. Например, Д. Делла Порта выделял следующие полезные навыки (skills) рыночных коррупционеров: выстраивание эффективных коммуникаций, формирование системы доверительных отношений, актуализация транспарантной системы неформальных обязательств [15].

В рамках теории коллективных благ М. Олсон [16, с. 204] предлагает свой подход к пониманию востребованности рыночных форм коррупции обществом. Суть подхода в том, что частный бизнес, скованный огромным количеством формальных ограничений в ведении собственного дела, испытывает

склонность к разрешению проблемы с использованием нелегитимных методов, тем самым подрывая доверие общества к государственным институтам.

С другой стороны, если представители политической элиты пытаются контролировать, а порой даже полностью административно-силовым путем переподчинить себе бизнес, нивелируя этим самым механизмы традиционной рыночной конкуренции, то это неизбежно создаст питательную почву для развития институциональной коррупции, по оценке Л. фон Мизеса – «раковой опухоли общественных отношений» [17, с. 237]. В работе [18] допускается ограниченная рациональность рыночной коррупции в условиях дисфункциональности (в том числе, вызванной политическим транзитом) государственных институтов. Однако это допущение сохраняет силу лишь до тех пор, пока рыночная коррупция окончательно не трансформируется в институциональную.

Отечественный исследователь П. А. Берлин, пытаясь осмыслить национальные особенности и исторические предпосылки российской коррупции, обращает внимание на то, что изначально институциональная коррупция фактически была искусственно встроена в общественно-политическую систему Российского государства через деструктивные институты местничества и кормления [19]. Социолог С. Ю. Барсукова отмечает, что в общественном сознании (в частности, в анекдотах) «коррупция чиновников выглядит не как их индивидуальный выбор, персональная склонность, а как характеристика системы, ее сущностная основа» [20, с. 119].

Таким образом, в отечественной практике имперского строительства борьба с рыночными формами коррупции на протяжении ряда столетий сосуществовала с поддержанием институциональных основ коррупционных отношений, что в итоге способствовало формированию устойчивого национального архетипа коррупционного поведения. Попытки же реформаторов / революционеров преодолеть указанный деструктивный архетип почти всегда гарантировано приводили к общественным потрясениям [21]. При этом публичная критика и осуждение не индивидуальных траекторий коррупционной девиации, а именно институциональных оснований коррупционного поведения в российском обществе традиционно ассоциировалось у носителей политической власти с политической неблагонадежностью «диссидентствующих» граждан и сурово пресекалась.

Состоявшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. политический транзит в большинстве бывших советских республик завершился неудачей или же получил неполный (незавершенный) характер. После обретения власти изменился состав и цели новых элит. На месте терминальных ценностей-целей оказываются цели стремительного роста благосостояния. Цели, связанные с укреплением политического господства, стали выполнять скорее инструментальную роль. Это свидетельствует о формировании политического режима клептократии. Данный режим использует политические институты и административные ресурсы прежде всего в интересах личного и / или корпоративного обогащения посредством злоупотребления властными полномочиями [22].

Анализ институциональной коррупции тесно связан с исследованиями коррупции как модели рентоориентированого поведения чиновников [23]. Тотальное стремление чиновников к извлечению ренты вкупе с низким качеством институций российской системы государственного управления и массовыми «извращениями верховенства права», В. Я. Гельман обозначает как «политико-экономический порядок недостойного правления» [24]. В таких условиях, по мнению В. С. Мартьянова, едва ли не единственно возможной формой публичного дискурса становится политический популизм [25].

Диагностирование признаков институциональной коррупции также может выявить стратегические ошибки в государственном управлении. Следствием институциональной коррупции может являться мутация государственных институтов. Институты либо полностью утрачивают свой функционал и работоспособность, сохраняя лишь элементы формы в качестве архаического реликта – инструмента манипуляции обществом со стороны теневых структур [26, с. 11]. Либо сохраняют частичную работоспособность, тогда как реальная власть переходит к псевдоинституциональным (латентным, теневым) структурам – кланам, кликам [27] и т. д., а формальные государственные институты замещаются их симулякрами.

Симулякры, как утверждал Ж. Бодрийяр, являются «подобиями подобий» [28]. Вряд ли стоит ожидать от симулякров эффективной реализации функций политических институтов. В российской политике этот феномен обозначил Председатель Высшего совета Партии «Единая Россия» Б. В. Грызлов. Еще будучи спикером Государственной Думы он произнес фразу, ставшую популярным мемом: «Госдума – не место для дискуссий»[1]. Наверное, сегодня эту мысль можно продолжить: суды – не место для осуществления судопроизводства;

[1] Грызлову не удалось откреститься от фразы «Госдума - не место для дискуссий». *Регнум*. URL: https://regnum.ru/news/1264966 (дата обращения: 14.11.2022).

избирательная кампания – не место для политической борьбы и т. д. Все это в полной мере соответствует действительности с допущением, что речь идет не о государственных институтах, а об их симулякрах. Но основные функции государственных институтов реализуются не симулякрами институтов (последние лишь поддерживают видимость), а неформальными институциональными практиками, напрямую связанными с деятельностью латентных структур [29].

В этой ситуации реально действующими акторами выступают структуры глубинного государства, базирующиеся на нерыночном распределении ресурсов и ценностей. Это обусловлено прежде всего низкой эффективностью формальных государственных институций, а также неразвитостью гражданского общества. Такие связи, являющиеся индикатором неопатримониализма, не приемлют публичной огласки и образуют иерархическую систему – сеть патрон-клиентских отношений, в которой патрон, используя должностное положение, оказывает административные услуги в обмен на массовую публичную, финансовую либо какую-то другую поддержку.

Неопатримониализм в политической науке рассматривается в качестве режимного гибрида, в котором политические институциональные практики, присущие патримониализму, сосуществуют с современными государственными институтами [30]. Формально система управления в условиях неопатриониализма строится на рационально-легальных основаниях. Госслужащие занимают позиции в иерархии в соответствии с институционально закрепленными полномочиями, но на практике эти полномочия реализуются ими как форма частной собственности. Хищническая форма неопатримониализма наиболее благоприятна для развития отношений институциональной коррупции. Ее отличают:

1. Персонификация государственной власти с приоритетной ориентацией на запросы и интересы «хищнической коалиции». Режим критически зависит от личной преданности (особенно силового блока), а перспективы сохранения им власти напрямую определяются динамикой интересов коалиции [31].

2. Режим проявляет очевидную неспособность контролировать ресурсы страны и использовать имеющийся потенциал для эффективной реализации долгосрочной стратегии развития [32].

3. Легитимация хищнического неопатримониализма, основанная как на запугивании, так и на перспективах вознаграждения в ситуации конформизма и лояльности режиму, осуществляемая посредством интеграции в систему институциональной коррупции [33].

4. Перманентная эрозия политических, экономических и правовых институтов и, как следствие, глубочайшие проблемы во внутренней и внешней политике государства.

Институциональные теневые сетевые структуры, функционирующие на различных уровнях управления, не только формируют параллельную систему перераспределения власти, благ и ресурсов, но также проявляют способность перепрограммировать функционирующие институты на реализацию партикулярных целей. В таких условиях коррупционные взаимодействия государственных и негосударственных акторов, идеализируясь, приобретают вид гибких сетевых альянсов, обладающих высокими адаптивными способностями, которые замещают функции недееспособных формальных институтов.

Современная сетевая коррупция предполагает сетевую форму организации. С одной стороны, это гарантирует масштабность вовлечения в схемы заинтересованных акторов, а с другой стороны, маскирует реальные центры принятия решений, скрывая их от возможных правовых санкций. Политологи Д. Ноук и Дж. Куклинский [34, p. 9] предлагают дифференцировать коррупционные сети на «узлы» (центры) принятия решений и ту коррупционную периферию, которая располагается в форме концентрических кругов вблизи «узлов» принятия управленческих решений. Коррупционная периферия включает в себя разного рода латентные структуры, такие как парантелы, клиентелы, кланы, клики и другие структуры, контролирующие реальную, а не формальную систему администрирования.

Являясь заинтересованными сторонами в принятии политических решений, латентные структуры непотизма никогда не позиционируются в качестве публичных политических акторов и не участвуют открыто в политическом процессе. Однако именно изучение латентных структур может являться ключом к пониманию обусловленности принятия политических решений в условиях политического режима, остановившегося в своем незавершенном транзите. Сетевая методология особенно результативна в анализе переходных политических систем, «застрявших» в ситуации незавершенного транзита. В условиях неразвитости демократических институтов гражданского общества сети институциональной коррупции, сформировавшиеся внутри государственно-управленческого аппарата, фактически замещают собой государственные институты.

Институциональные неформальные взаимодействия внутри системы государственного управления не только сводят на нет его эффективность, а также деструктивно сказываются на социально-экономических и социально-политических процессах в стране. Помимо этого они приводят

к стагнации в экономике [35], развитии и внедрении в производственные и образовательные процессы современных технологий, в сфере безопасности военно-промышленного комплекса, армии и обороны страны. Также институциональная коррупция находится в остром противоречии с принципами меритократии в процессе рекрутирования управленческой и политической элиты. В этой ситуации именно личная лояльность (выраженная в патронклиентских отношениях), а также критерий включенности в неформальные коррупционные сетевые структуры становятся ведущими факторами, определяющими принятие решений о назначении, продвижении, ротации в кадровой политике государства.

Данный процесс протекает на фоне резкого снижения функциональности вплоть до полной недееспособности формальных институтов. Это проявляется в их неспособности самостоятельно, без согласований с представителями латентных структур определять текущую и перспективную политическую повестку. В результате латентные структуры образовали институциональную ловушку, превратившись в деструктивный квази-институт. В нем клиентела, относимая исследователями к категории «темных сетей», представляет доминирующую форму служебных отношений, порабощая и трансформируя функционал государственных формальных институтов, подчиняя их антиобщественным интересам вплоть до полного захвата государства [36].

Итак, можно сказать, что:

1. Рост институциональной коррупции может являться реакцией на усиление антикоррупционных мер, направленных в первую очередь против бытовой коррупции. Перед угрозой институциональной коррупции наиболее уязвимы этатистские системы, характеризующиеся высоким статусом государственных служащих.

2. Институциональная коррупция, в отличие от традиционной (рыночной), характеризуется устойчивым негативным влиянием на предпринимательскую активность и инвестиционный климат.

3. Последние десятилетия политологи отмечают в нашей стране устойчивый тренд к снижению удельного веса традиционной (рыночной) коррупции, тогда как институциональная коррупция, формирующая теневую систему институциональных управленческих практик, напротив, характеризуется позитивной динамикой роста [37].

Обозначенные выше тенденции имеют ряд причин. Во-первых, в последние годы усиление антикоррупционного контроля мотивировало политических и экономических акторов минимизировать участие в рискованных схемах рыночной коррупции и применять сравнительно безопасную институциональную рентную стратегию [38]. Во-вторых, в процессе формирования российской модели управленческой вертикали власти произошло значительное увеличение «узлов» реализации рыночной коррупционной схемы, сопровождающееся расширением цепочки посредников. Это привело к повышению финансовых издержек и к снижению надежности (безопасности) традиционных (рыночных) коррупционных схем. В этих условиях для оптимизации финансовых издержек в процессе лоббирования политических / управленческих решений, управленческие акторы открыли для себя практически ничем не ограниченные возможности стратегии институциональной коррупции.

Заключение

Политические системы по-разному реагируют на коррупционные риски. Так, автократии, опираясь на возможности властной централизованной вертикали, казалось бы, имеют очевидные преимущества перед демократическими системами в вопросах осуществления результативного государственного антикоррупционного контроля. Однако мировая практика свидетельствует о том, что эти преимущества касаются исключительно рыночной коррупции, тогда как перед угрозой институциональной коррупции именно авторитарные системы являются наиболее уязвимыми.

К институциональной коррупции в современной России относятся специфические отношения власти и бизнеса. Такие отношения предполагают неформальное руководящее влияние административно-политической элиты на управление компаниями. Такого рода контакты сегодня приобрели существенную устойчивость и регулярность. Например, известны ситуации, когда родственники или близкие друзья чиновников получают собственные долевые пакеты взамен на систематическое оказание административно-политических преференций бизнесу. Речь идет о регулярной практике использования институционального механизма предоставления «демонетизированных» услуг, которые значительно сложнее выявить и доказать их коррупционный характер.

Рыночная коррупция зачастую реализует присущую ей интегративную функцию в условиях динамично трансформирующейся общественно-политической системы, косвенно способствуя реформированию, и даже в какой-то мере развитию последней. Институциональная коррупция, напротив, препятствует системной динамике, выступая очевидным детерминантом общественно-политической консервации и стагнации. Например, институционально-коррупционное распределение благ в позднем СССР, известное как практика блата, не только полностью противоречило советской

официальной идеологии и подрывало государственный контроль за общественно-политическими процессами, но и способствовало накоплению предпосылок для последующего развала советского государства.

Касаясь последствий рыночной и институциональной коррупции, мы приходим к любопытному выводу. Институциональная коррупция, которая в большинстве государств постсоветского пространства совсем не преследуется по закону и даже зачастую оправдывается каким-то особым (национальным, геополитическим или культурным) кодом, имеет куда более выраженное деструктивное влияние на развитие государства, чем рыночная форма коррупции. Это связано с тем, что институциональная коррупция наиболее разрушительно воздействует на динамику общественного развития. Из недавнего прошлого нашей страны известны такие негативные проявления институциональной коррупции, как показуха, приписки, формализм, отсутствие подлинной социальной мобильности, замещение государственных институтов латентными структурами (институциональными практиками), клановость, непотизм, застой и, как следствие, вырождение политической элиты.

Рыночная коррупция, будучи, по сути, диалектической антитезой институциональной коррупции, на определенных этапах общественного развития может нести не только негативное влияние, но и отчасти позитивный импульс, поскольку она способна латентно активизировать процессы формирования гражданского общества и развития демократических начал государственности. Эти процессы косвенно способствуют совершенствованию правовых норм, а также выработке общественного согласия и консенсуса. Таким образом происходит замедление процессов установления в обществе неопатримонализма как состояния безраздельного господства институционально-коррупционных стратегий.

Взаимодействие государственных институтов и латентных структур (кланов, клик, клиентел) может протекать в трех основных формах:

- симбиоз – взаимодействие латентных структур с государственными институтами, в котором государственные институты играют роль своего рода коммуникативных площадок, что позволяет участникам не только артикулировать собственную позицию, но и достигать максимально полного выражения интересов всех заинтересованных политических акторов;
- ксения – игнорирование латентными структурами государственных институтов, что может приближать политическую ситуацию к фактическому двоевластию. Однако такое игнорирование прекращается как только требуется официальная (де-юре) легитимация управленческих решений, уже принятых (де-факто) в интересах латентных структур;
- химера – доминирующее воздействие латентных структур на характеристики государственных институтов, связанное с попытками полностью подчинить государственные институты своему влиянию. Это может повлечь за собой дисфункциональную трансформацию как отдельных государственных институтов, так и всей системы государственного управления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Scott J. C. Patron-client politics and political change in Southeast Asia. *The American Political Science Review*, 1972, 66(1): 91–113. https://doi.org/10.2307/1959280
2. Nye J. S. Corruption and political development: a cost-benefit analysis. *The American Political Science Review*, 1967, 61(2): 417–427. https://doi.org/10.2307/1953254
3. Scott J. C. The analysis of corruption in developing nations. *Comparative Studies in Societies and History*, 1969, 11(3): 315–341. https://doi.org/10.1017/S0010417500005363
4. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *The American Journal of Sociology*, 1973, 78(6): 1360–1380.
5. Пустовит Р. В. Виды коррупции. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2017. № 1. С. 204–205. [Pustovit R. V. Types of corruption. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2017, (1): 204–205. (In Russ.)]
6. Bardhan P. Corruption and development: a review of issues. *Journal of Economic Literature*, 1997, 35(3): 1320–1346.
7. Boissevain J. *Friends of friends: networks, manipulators and coalitions*. Blackwell, 1974, 300.

8. Бирюков С. Всепроникающая клиентела. *Свободная мысль*. 2012. № 7-8. С. 30–41. [Biryukov S. Pervasive clientele. *Svobodnaia mysl*, 2012, (7-8): 30–41. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tnfcvj
9. Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. *Мир России. Социология. Этнология*. 1997. Т. 6. № 4. С. 89–106. [Ledeneva A. V. Personal connections and informal communities: the transformation of the clientelism in Post-Soviet Society. *Universe of Russia*, 1997, 6(4): 89–106. (In Russ.)] https://elibrary.ru/apqqbp
10. Kasuya Y. Book review: Kang D. C. Crony capitalism: corruption and development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. *Japanese Journal of Political Science*, 4(1): 161–164. https://doi.org/10.1017/S1468109903241025
11. Redlawsk D. P., McCann J. A. Popular interpretations of "corruption" and their partisan consequences. *Political Behavior*, 2005, 27(3): 261–283. https://doi.org/10.1007/s11109-005-4469-3
12. Левин С. Н. Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России. *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. Т. 23. № 4. С. 35–58. [Levin S. N. "Markets of power", property rights and political resource of entrepreneurs in modern Russia. *Universe of Russia*, 2014, 23(4): 35–58. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sueajd
13. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption. *American Behavioral Scientist*, 1964, 8(3): 8–14. https://doi.org/10.1177/000276426400800303
14. Хантингтон С. П. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. [Huntington S. P. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2004, 480. (In Russ.)]
15. Della Porta D. Actors in corruption: business politicians in Italy. *International social science journal*, 1997, (16): 55–59. https://doi.org/10.1111/1468-2451.00037
16. Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция, социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. 324 с. [Olson M. *The rise and decline of nations. Economic growth, stagflation, and social rigidities*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2013, 324. (In Russ.)]
17. Фон Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с. [Von Mises L. *Human action: a treatise on economics*. Chelyabinsk: Sotsium, 2005, 878. (In Russ.)]
18. *Political corruption: readings in comparative analysis*, ed. Heidenheimer A. J. N. Y.: Holt Reinhart and Winston, 1970, 582.
19. Берлин П. А. Русское взяточничество, как социально-историческое явление. *Современный мир*. 1910. № 8. С. 48–57. [Berlin P. A. Russian bribery as a socio-historical phenomenon. *Sovremennyi mir*, 1910, (8): 48–57. (In Russ.)]
20. Барсукова С. Ю. Анекдоты о неформальной экономике: смешно о серьезном. *Социологические исследования*. 2018. № 9. С. 113–123. [Barsukova S. Yu. Jokes on the informal economy: funny or serious. *Sociological Studies*, 2018, (9): 113–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S013216250001966-5
21. Гельман В. Я. Авторитарная Россия: бегство от свободы, или почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. 334 с. [Gelman V. Ya. *Authoritarian Russia: escape from freedom, or why democracy does not take root in our country*. Moscow: Govard Rork, 2021, 334. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rnnoct
22. Гевелинг Л. В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001. 590 с. [Geveling L. V. *Kleptocracy. Socio-political dimension of corruption and negative economy. The struggle of the African State with destructive forms of power organization*. Moscow: Gumanitarii, 2001, 590. (In Russ.)]
23. Левин С. Н., Саблин К. С., Руцкий В. Н. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах ресурсного типа современной России: «картины власти» и подходы к исследованию. *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. Т. 27. № 3. С. 6–27. [Levin S. N., Sablin K. S., Rutskiy V. N. The practices of interaction between entrepreneurs and authorities in Russia's resource extracting regions: the "scenes of power" analytical approach. *Universe of Russia*, 2018, 27(3): 6–27. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27
24. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: ЕУСПб, 2019. 254 с. [Gelman V. Ya. *The politics of bad governance in contemporary Russia*. St. Petersburg: EUSPb, 2019, 254. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rlpoez
25. Мартьянов В. С. Пределы капитализма и рентное общество как глобальная альтернатива. *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 4. С. 18–33. [Martianov V. S. The limits of capitalism: the rent-seeking society as a global alternative. *Journal of Institutional Studies*, 2020, 12(4): 18–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.018-033

26. Игошин И. Н. Институциональные искажения в российском обществе. М.: Директмедиа Паблишинг, 2003. 151 с. [Igoshin I. N. *Institutional distortions in Russian society*. Moscow: Direktmedia Pablishing, 2003, 151. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qocmcd
27. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации. *Полис: Политические исследования*. 2011. № 6. С. 120–133. [Patrushev S. V. Cliquecratic order as an institutional trap of Russian modernization. *Polis: Political Studies*, 2011, (6): 120–133. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ohkypj
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с. [Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Moscow: POSTUM, 2015, 240. (In Russ.)]
29. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2017. № 63. С. 212–232. [Soloviev A. I., Miller T. V. Latent policy area: an attempt at theoretical identification. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2017, (63): 212–232. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zjtahj
30. Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.: ЕУСПб, 2015, 44 с. [Gelman V. Ya. *Modernization, institutions and the "vicious circle" of post-Soviet neopatrimonialism*. St. Petersburg: EUSPb, 2015, 44. (In Russ.)]
31. Мельников К. В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек. *Полис: Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68–81. [Melnikov K. V. Neopatrimonialism: classification as a way of overcoming the conceptual stretching. *Polis: Political Studies*, 2018, (2): 68–81. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06
32. Чирун С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики. *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции*: Третья Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.) Екатеринбург, 2019. С. 91–110. [Chirun S. N. Consensus (network) corruption and problems of public policy efficiency. *Contemporary problems of scientific support of the Russian Federation state policy in the field of combating corruption*: Third All-Russ. Sci. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 26–27 Oct 2018. Ekaterinburg, 2019, 91–110. (In Russ.)]
33. Телин К. Имитация государственной состоятельности: хищник вместо управленца. *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 2. С. 39–61. [Telin K. Imitation of state solvency: predator instead of manager. *Russian Sociological Review*, 2018, 17(2): 39–61. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-39-61
34. Knoke D., Kuklinski J. H. *Network Analysis*. Sage Publications, 1982, 96.
35. Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: ВШЭ, 2015. 216 с. [Barsukova S. Yu. *Informal economy, or 16 shades of grey*. Moscow: HSE, 2015, 216. (In Russ.)]
36. Milward H. B., Raab J. Dark networks as organizational problems: elements of a theory. *International Public Management Journal*, 2006, 9(3): 333–360.
37. Мартьянов В. С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе. *Полис: Политические исследования*. 2016. № 4. С. 81–99. [Martianov V. S. Russian political regime in the rent-estate perspective. *Polis. Political Studies*, 2016, (4): 81–99. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08
38. Мартьянов В. С., Давыдов Д. А., Фишман Л. Г. Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ, 2019. 416 с. [Martianov V. S., Davydov D. A., Fishman L. G. *Rental society: in the shadows of labor, capital and democracy*. Moscow: HSE, 2019, 416. (In Russ.)]